

Малявина Людмила Сергеевна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии
и социально-гуманитарных дисциплин
Тихоокеанского государственного университета

Malyavina Lyudmila Sergeevna

PhD in History, Assistant Professor,
Department of Philosophy,
Social Studies and Humanities,
Pacific National University

Чикурова Ольга Вячеславовна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры «Экономика и гуманитарные науки»
Сарapulьского политехнического института
(филиала) Ижевского государственного
технического университета имени М.Т. Калашникова

Chikurova Olga Vyacheslavovna

PhD in History,
Assistant Professor,
Economics and Humanities Department,
Sarapul Polytechnic Institute (branch) of Kalashnikov
Izhevsk State Technical University

**МИХАИЛ СЕМЕНОВИЧ ТЮНИН
(1865 – ПОСЛЕ 1945 Г.):
ПЕРСОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ ПЕРЕМЕН**

**MIKHAIL SEMENOVICH TYUNIN
(1865 – AFTER 1945):
A PERSONAL HISTORY IN AN ERA
OF CHANGE**

Аннотация:

В статье на основе историко-антропологического подхода восстанавливается биография известного предпринимателя и земского деятеля дореволюционного Прикамья (город Сарapul) Михаила Семеновича Тюнина (1865 – после 1945 г.). Новизна исследования заключается в объединении двух периодов биографии М.С. Тюнина (дореволюционного и послереволюционного) в единое жизнеописание. Представлены данные об истории его семьи (состав, судьбы родственников). В контексте российских исторических процессов и на основе анализа личных документов, обнаруженных в архивах Праги, Москвы и Хабаровска (воспоминания, автобиографии, личное дело эмигранта), рассмотрены причины переезда М.С. Тюнина в 1918 г. в Сибирь (Томск, Красноярск) и в 1923 г. в Харбин. Приведены новые сведения о работе М.С. Тюнина в Центральной библиотеке Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) (1925–1933 гг.). Показана его роль в становлении русского библиографического дела в Харбине. Прослежено, как сложилась жизнь после продажи КВЖД (1935 г.) и получения М.С. Тюниным статуса эмигранта (до 1945 г.). Сделан вывод, что судьба М.С. Тюнина повторила судьбы миллионов соотечественников, испытавших на себе трагичность последствий событий Гражданской войны в России, сделавших их жизнь нестабильной и частично забытой для потомков.

Ключевые слова:

Михаил Семенович Тюнин, российское купечество, история Сарapura, российская эмиграция в Китае.

Summary:

Based on the historical and anthropological approach, the authors reconstructed the biography of Mikhail Semenovich Tyunin (1865-after 1945), who was a renowned entrepreneur and public figure in the pre-revolutionary history of the Kama region. The novelty of this study is the combination of two periods in the biography of M.S. Tyunin (the pre-revolutionary and post-revolutionary ones) into a single life story. The article presents new data on the history of his family (the members, the fate of relatives). In the context of Russian historical process and on the basis of the analysis of personal documents found in the archives of Prague, Moscow and Khabarovsk (memoirs, autobiographies, personal files), the authors explained why M.S. Tyunin moved to Siberia (Tomsk (1918), Krasnoyarsk (1920)) and Harbin (1923). The paper provides new information about the activities of M.S. Tyunin in the Central Library of the Chinese Eastern Railway (CER) (1925–1933). It shows his role in the development of Russian bibliography in Harbin. The authors have followed his life after the sale of the CER (1935) and getting a passport of the emigrant (up to 1945). It is concluded that the fate of M.S. Tyunin is the repetition of the fate of millions of people in Russia who have experienced the tragic consequences of the events of the Civil War. The Civil War tore apart the life of M.S. Tyunin on individual episodes, some of which have been temporarily forgotten by subsequent generations.

Keywords:

Mikhail Semenovich Tyunin, Russian merchants, Sarapul history, Russian emigration in China.

Антропологический подход, развиваемый российской исторической наукой в последние десятилетия, усиливает значимость исследований, посвященных истории «в человеческом измерении». Новые варианты изучения прошлого, призванные преодолеть противопоставление индивидуального и социального, дают возможность не только включить в исторический контекст макрособытийные явления, но и дополнить их персональными биографиями исторических индивидов. В оценке известного историографа Л.П. Репиной, «новая биографическая история» («реконструкция одной жизни во всей уникальности и полноте») позволяет через судьбы различных людей глубже понять специфику эпохи, в которую они «жили и творили, радовались и страдали, мыслили и действовали» [1, с. 8–9]. Тенденция к персонализации истории и поворот интереса от «человека типичного» к конкретному индивиду объясняют рост числа жизнеописаний людей, которые формально не могут быть отнесены к выдающимся историческим деятелям, но являются

«действующими лицами истории», внесшими определенный вклад в развитие своего социума, его материального и духовного состояния.

Михаил Семенович Тюнин (1865 – после 1945 г.), чья история жизни является предметом исследования статьи, объективно не является крупным российским государственным деятелем. Тем не менее в истории своего региона (Прикамье, территория современной Удмуртской Республики) он известен как представитель влиятельной купеческой семьи, меценат, благотворитель, общественный деятель города Сарапула – одного из старейших купеческих городов, расположенных на берегу Камы [2]. Однако, как у миллионов россиян, попавших в эпоху глобальных социальных и политических перемен начала XX в. (революции 1917 г., Гражданская война) и испытавших на себе их последствия (разрыв семейных связей, утрата прежнего социального статуса, беженство, уход в эмиграцию и пр.), его жизнь оказалась разорванной на ряд отдельных эпизодов. В частности, из-за того что последние два десятилетия жизни (1923–1945 гг.) М.С. Тюнин провел в китайском Харбине (сначала как советский специалист – сотрудник Центральной библиотеки Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), затем – как эмигрант), он оказался вычеркнутым из семейной истории и «потерянным» на своей малой родине.

В то же время в дальневосточной историографии, занимающейся персонификацией восточной ветви российской эмиграции, личность М.С. Тюнина не привлекала особого внимания, хотя отдельные сведения о нем нашли отражение в ряде исследований, посвященных жизни россиян в Китае [3]. Настоящая статья представляет собой первую попытку объединения всех ранее не рассматриваемых в едином хронологическом контексте этапов биографии М.С. Тюнина, осуществляемую с использованием новых архивных материалов, выявленных в российских архивах (Москва, Хабаровск) и архиве Национальной библиотеки Чешской Республики (Прага). Это дает возможность воссоздать жизненный путь человека, «потерянного» в вихрях радикальных перемен, и ответить на ряд актуальных вопросов: причины массового беженства из отдельных российских регионов; способы адаптации беженцев в принимающих обществах; особенности формирования восточной (китайской) ветви российской эмиграции и характер ее взаимодействия с другими центрами российского зарубежья.

М.С. Тюнин родился 9 июля 1865 г. в городе Сарапуле Вятской губернии в семье состоятельного купца-заводчика Семена Гавриловича Тюнина (1826–1905) и его жены Веры Николаевны (1844–1920) [4, л. 119–120]. С.Г. Тюнин (купец первой гильдии с 1888 г.), несмотря на недолгое пребывание в Сарапуле, куда вся семья переехала из города Малоярославля Калужской губернии, за два года стал одним из наиболее влиятельных людей города: в 1869 г. приобрел пивомедоваренный завод, основал винокуренное (спиртное) производство, открыл торговлю своей продукцией. К концу 1880-х гг. в его собственности находились оптовые винные склады и три завода (пивомедоваренный, водочный и винокуренный), которые выпускали 10 сортов вина и 15 сортов пива [5, с. 261; 6, с. 81, 321, 335–336]. Как и многие купцы, С.Г. Тюнин занимался общественной деятельностью, был щедрым благотворителем, о чем свидетельствуют дореволюционные справочники: в 1869 г. он избирался почетным мировым судьей Сарапула, в 1870 г. входил в состав городской думы, в 1873 г. исполнял должность городского головы. Как благотворитель С.Г. Тюнин являлся членом Общества попечения о тюрьмах, был одним из первых попечителей Александровского дома призрения бедных [7, с. 226; 8, с. 234]. Мать Михаила Семеновича – Вера Николаевна Тюнина вела не менее активную общественную деятельность. Вместе с мужем она участвовала в работе Сарапульского благотворительного общества, образованного в 1875 г. для оказания помощи неимущим жителям города, устраивала спектакли в пользу Благотворительного общества, являлась членом Попечительного совета женской прогимназии, более 20 лет (с 1893 г.) руководила Сарапульской учебной ткацкой мастерской, где шло обучение местных крестьянок ткацкому делу.

Помимо Михаила в семье было еще двое детей: старшая дочь Мария (1863 г. р.) [9] и младший сын Николай (1870 г. р.) [10]. По традициям купеческих семей сыновья, и в первую очередь старший сын – Михаил, рассматривались как продолжатели семейного дела. Вначале эти традиции Михаилом были соблюдены. Так, после окончания Сарапульского реального училища (1882) и агрономического отделения Петровской земледельческой и лесной академии (Москва, в 1888 г.) в возрасте 23 лет он начал работу на заводах отца. По его примеру занялся благотворительностью и общественной деятельностью. В 1888 г., как и отец, был избран Сарапульским уездным собранием почетным мировым судьей. Находился на этой должности 15 лет (до 1903 г.). Но если для многих представителей купечества должность почетного мирового судьи больше отражала знак почтения, то у Михаила Семеновича она, возможно, пробудила интерес к государственной службе. Уже в 1890 г. распоряжением Вятской казенной палаты он был выведен из купеческого сословия в мещане. В 1903 г., передав городской казне свои предприятия [11], фактически закрыл

семейный бизнес и сосредоточил свои усилия на работе в Сарапульской уездной управе, членом которой он был избран в 1900 г. (в 1901 г. стал ее председателем).

Переход детей, получивших высшее образование, из купеческого сословия в другие социальные группы был распространен во многих купеческих семьях. По мнению исследователей, на это влияли общие процессы трансформации в предпринимательской среде (появление новых, более крупных коммерческих структур (торговые дома, акционерные компании), монополизация экономики и вытеснение мелкого и среднего предпринимательства, ослабление патриархальных традиций во внутрисемейных отношениях, распространение нового буржуазного образа жизни). На решение Михаила об уходе из бизнеса могли повлиять и такие факторы, как проигранная конкуренция с сарапульскими купцами-виноделами Бодалёвыми и отсутствие других наследников, заинтересованных в сохранении семейного дела, так как в 1897 г. из купеческого сословия вышел и его брат Николай Семенович. В итоге вся последующая деятельность М.С. Тюнина в Сарапуле оказалась связанной с государственной службой, меценатством и участием в социокультурном развитии региона.

Самой значимой страницей этого этапа биографии Михаила Семеновича считается его многолетняя работа (1901–1910 гг.) председателем Сарапульской земской уездной управы. Сам Михаил Семенович свои заслуги (из автобиографии) оценивал так: «В мою службу был разработан одним из первых в губернии план всеобщего обучения, при котором все наличные дети школьного возраста имели место в школе на расстоянии от своего местожительства не более 3 верст (3,2 км. – *Прим. авт.*). Были привлечены впервые к платежу земских налогов оба казенные завода, находящиеся в Сарапульском уезде: Ижевский оружейный и Воткинский железодельный..., что способствовало увеличению приходной сметы и дало возможность приступить к выполнению плана всеобщего обучения. Были открыты средние учебные заведения в уезде: женская гимназия в Ижевске и механико-техническое училище в Воткинске. По поводу открытия последнего дважды ездил в Петербург ходатайствовать об отпуске денежных средств со стороны казны. Построены собственные кирпичные здания больниц в Ижевске и Воткинске и с. Каракулино, здание амбулатории и аптеки в г. Сарапуле. В 1907 г. Л.К. Круликовский и я положили начало Сарапульскому Земскому музею с отделами этнографическим, археологическим, зоологическим...» [12, л. 3–4]. Работа в музее Сарапульского уездного земства (был открыт в 1909 г.) и созданном в 1913 г. Обществе изучения Прикамского края превратит чиновника М.С. Тюнина в коллекционера и музейщика, сформирует круг его новых интересов: поездки по уезду для сбора предметов, представляющих этнографическую и археологическую ценность, установление контактов с музеями и научными обществами других городов России, обмен книжными изданиями [13, с. 105–106; 14, с. 117–118].

Новые социально-политические условия, установившиеся в России после 1917 г., прервали благополучие семьи, поставили ее членов, как и других именитых горожан, перед необходимостью поиска жизненных стратегий, отвечающих новой исторической ситуации (национализация имущества и капиталов, упразднение прежнего местного аппарата управления (земства, городские думы, суды)). О том, как сложилась дальнейшая жизнь М.С. Тюнина, стало возможным узнать только через 70 лет, после снятия режима секретности с документов по истории российской эмиграции.

Так, в Государственном архиве Российской Федерации (Москва) стали доступны автобиография и биографические очерки, написанные М.С. Тюниным в 1935 г. для Русского заграничного исторического архива (РЗИА) в Праге [15]. Из Национальной библиотеки Чешской Республики (Прага), где хранится большая часть фонда РЗИА, была получена копия переписки М.С. Тюнина с руководством архива, свидетельствующая о его многолетнем сотрудничестве с крупнейшим европейским учреждением по сохранению культурного наследия российской эмиграции [16, л. 1–32]. В Государственном архиве Хабаровского края (фонд Главного бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ)) оказалось личное дело М.С. Тюнина, заведенное при его обращении в БРЭМ в 1935 г. с ходатайством о получении статуса эмигранта [17]. При регистрации в БРЭМе (ее обязательность для всех выходцев из России была установлена после оккупации Японией Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) и образования на этой территории в 1932 г. государства Маньчжоу-Го) требовалось заполнить объемную (30 пунктов) анкету. В анкете предлагалось отразить как общие данные заявителя (время и место рождения, подданство, общее образование, место прежней и настоящей службы, адрес проживания и пр.), так и сведения о политических убеждениях, работе в политических и общественных организациях, прохождении военной службы. Кроме анкеты в личное дело включались и другие документы (заявления, переписка), позволявшие БРЭМу как надзорному органу контролировать действия и передвижения

зарегистрированных лиц. Новые материалы позволили не только пополнить биографию М.С. Тюнина ранее неизвестными фактами, но, исходя из анализа ситуации, в которой он оказывался на различных этапах жизни, объяснить его поступки.

Как следует из документов личного дела, в Сарапуле М.С. Тюнин находился до октября 1918 г. 1 октября 1918 г., по данным анкет, «выехал в разрешенный Сарапульским судом отпуск в Томск» и в город уже не возвращался [18, л. 24]. Хотя мотивация отъезда в документе сформулирована как «выезд в отпуск», есть основание предположить, что, как и для большинства жителей Прикамья (Сарапул, Ижевск, Воткинск), образовавших крупную миграционную волну (примерно 40–50 тыс. чел.) в октябре – ноябре 1918 г., поводом для отъезда могли стать и другие причины. Здесь могут быть отмечены опасения последствий событий сентября 1918 г., когда город оказался в центре антибольшевистского Ижевско-Воткинского восстания, в ходе которого в Сарапуле была полностью устранена советская власть, восстановлена работа городской думы, управы и прежней системы судопроизводства, проведены аресты всех советских и партийных работников и лиц, сочувствующих советской власти. В качестве тюрьмы для арестованных повстанцами лиц (около 800 чел.) были использованы подвалы казенного спиртового завода, ранее принадлежавшие Тюниным [19]. Данный факт мог быть серьезным поводом для беспокойства семьи, так как жестокость, сопровождавшая как установление «белой» власти, так и ее подавление, была характерна для обеих сторон.

В потоке беженцев, сформировавшемся после «тревожного сентября» 1918 г., Михаил Семенович прошел путь до Томска, где он прожил чуть больше года (до ноября 1919 г.), и Красноярска, где он оказался в начале 1920 г. В Томске Михаилу Семеновичу пришлось навсегда проститься с матерью, которая переезжала вместе с ним. Как следует из составленного им биографического очерка, посвященного В.Н. Тюниной, заболев сыпным тифом, она приняла решение остаться в Томске «на попечение хороших знакомых», но 22 февраля 1920 г. скончалась в городской инфекционной больнице. 25 февраля была похоронена на местном кладбище [20, л. 15–16]. Смерть матери окончательно оторвала М.С. Тюнина от родственников, а в его анкетах в графе «Семейное положение» закрепилась запись: «холост, при мне никого из родственников нет», «холост, одинок, на иждивении никого не имею» [21, л. 5, 10].

Последующие перемещения М.С. Тюнина в документах отражены кратко: «В начале 1920 г. приехал в Красноярск. Служил в земельном отделе делопроизводителем кустарно-технического отделения. В 1921 г. избран заведующим музеем в г. Енисейске, где и жил до 1922 г. В 1922 г. переехал в г. Красноярск и год состоял секретарем музея в г. Красноярске» [22, л. 7–8]. Красноярск – центр Енисейской губернии, крупный купеческий город мог быть известен Михаилу Семеновичу по его дореволюционным связям с сибирскими музеями, чем, возможно, объясняется его трудоустройство в 1921 г. в музей Енисейска, а в 1922 г. – в Государственный музей Приенисейского края Красноярска. В Красноярске в 1920 г. им будет оформлен советский паспорт. О причинах своего поступка пояснит так: «В Красноярске началась советская власть...» [23, л. 9].

Есть основание считать, что работа в музеях Енисейска и Красноярска способствовала становлению его будущей карьеры известного харбинского библиографа. Вывод сделан на основе работ сибирских авторов, посвященных организации Енисейского центрального книгохранилища при Государственном музее Приенисейского края, где собирались книги из брошенных и реквизированных библиотек [24]. Совпадение сроков создания книгохранилища со временем работы М.С. Тюнина в указанных музеях позволяет предположить его участие (хоть и непродолжительное) в данной работе.

Сибирский период скитаний М.С. Тюнина закончился его переездом в апреле 1923 г. в Харбин, где, по его признанию, «были хорошие знакомые» [25, л. 5]. В отличие от прежних перемещений, совершаемых в большей степени иррационально, под влиянием аффективного компонента, переезд в Харбин производился осознанно, с надеждой на помощь земляков (в Харбине существовало Ижевско-Воткинское землячество) и знакомых. Ряд благоприятных факторов (личностные коммуникации, знание языков, опыт организаторской работы, интеллектуальный багаж) помогли М.С. Тюнину упростить психологический процесс вживания в новую социокультурную среду, быстрее пройти все стадии адаптации, что не всегда удавалось сделать другим приезжим из Советской России. Опыт музейно-библиотечной работы, приобретенный в Сарапуле и Красноярске, дал ему возможность принять участие в работе Общества изучения Маньчжурского края. В 1924 г. М.С. Тюнин выступил организатором отдела местной печати при музее Общества, руководил им вплоть до закрытия Общества (1929). В 1927 г. издал первый библиографический справочник-указатель, содержавший описание 243 газет и журналов, изданных в Харбине за 25 лет (с 1901 по 1927 гг.) [26].

Обретению стабильности способствовало также получение работы в Центральной библиотеке КВЖД, что оказалось возможным благодаря наличию советского паспорта, полученного в

Красноярске, так как по соглашению между СССР и Китаем от 31 мая 1924 г. работать в подразделениях КВЖД могли только советские (по паспорту) специалисты или граждане Китая. Работа в библиотеке обеспечивала сотрудникам высокую зарплату (в анкете М.С. Тюнина отмечено – «до 90 золотых рублей в месяц» [27, л. 24]), жилье. Для Михаила Семеновича это была возможность продолжить начатую работу по составлению библиографии местной печати, поскольку в библиотеке существовало специальное библиографическое бюро, сотрудники которого публиковали библиографические бюллетени и сборники с рецензиями на научные книги, в том числе выходившие за рубежом. В библиотеке КВЖД М.С. Тюнин проработал (с временными перерывами) 8 лет – с момента начала работы библиотеки (3 октября 1925 г.) до ее закрытия (1933).

В ходе работы над вторым справочником-указателем (вышел в августе 1936 г. [28]) с января 1930 г. он выступил инициатором переписки с Русским заграничным историческим архивом в Праге, что свидетельствует о возможностях российской диаспоры в Китае поддерживать связи с другими центрами русского зарубежья, несмотря на территориальную отдаленность. Как показывает анализ присланных им в РЗИА писем [29, л. 1–32], целью контактов было желание передать на хранение в архив часть русскоязычных харбинских изданий, что отвечало задачам РЗИА, а также получить информацию о русских изданиях, выходивших в других странах. В одном из первых писем (от 26 апреля 1930 г.) писал: «Интересуюсь очень работой Вашего архива и буду рад помочь ему в деле собрания материала» [30, л. 3]. За период переписки (последнее письмо М.С. Тюнина в РЗИА датировано 8 мая 1940 г.) им были отправлены в Прагу авторский экземпляр собственного библиографического указателя за 1927 г.; изданные в Харбине работы Н.В. Устрялова (директора библиотеки) «О политическом идеале Платона» (1920), «Россия (у окна вагона)» (1926), «На новом этапе» (1930), «Проблемы прогресса» (1931); подборка русскоязычных газет (12 наименований) за 1920–1931 гг. За сотрудничество с РЗИА неоднократно получал благодарности от его руководства и предложение об устройстве на работу. Но от последнего отказался, написав, «прошу не считать меня постоянным и официальным сотрудником Архива. Когда мне представится возможность что-либо послать – буду высылать» [31, л. 8].

Захват Маньчжурии Японией (1931), образование в 1932 г. государства Маньчжоу-Го, начало переговоров советского правительства о продаже своей доли КВЖД поставили всех советских служащих КВЖД перед дилеммой – возвращение в СССР или дальнейшее проживание в Китае. Выбор М.С. Тюнина отражен в документах его личного дела в БРЭМе. Из документов дела (анкеты, автобиография, заявления) следует, что в июне 1933 г. в связи с сокращением штатов он был уволен со службы в библиотеке (сама библиотека была закрыта в ноябре 1933 г.). В июле 1934 г. был назначен штатным делопроизводителем в 13-ю советскую школу КВЖД в городе Хайларе. Проработал там до мая 1935 г. – начала массового отъезда советских граждан в СССР. Вместо возвращения сдал советский паспорт и 25 мая 1935 г. подал ходатайство в БРЭМ о переходе в эмигрантское состояние [32, л. 5].

Следует отметить, что отказы от возвращения в СССР среди бывших служащих КВЖД не были исключительным явлением. По имеющимся оценкам [33, с. 78; 34] число «невозвращенцев» составило до 2 тыс. чел. (из 25 тыс.) (около 9 %). Это, соответственно, увеличило русскую эмигрантскую массу в Китае, ранее состоявшую в основном из трех слоев: старожильческое (дореволюционное) население Маньчжурии, эмигранты второй (послереволюционной) и третьей (конец 1920-х – 1930-е гг.) миграционных волн. У каждого «невозвращенца» были свои мотивы. На решение Михаила Семеновича, возможно, повлиял фактор утраты родственных связей. Как он отмечал в одной из анкет (1937), «есть ли в настоящее время близкие родственники, мне неизвестно, как они живут и живы ли теперь – сведений не имею уже около восьми лет» [35, л. 22].

Последующие два года (1936–1937 гг.) был без работы. Жил на отчисления, получаемые от издания в 1936 г. экономическим бюро Харбинского управления государственных железных дорог второго выпуска «Указателя периодических изданий». Пытался восстановиться на службу в железнодорожное ведомство, о чем свидетельствует его анкета (заполнена 30 апреля 1936 г.), поданная в железнодорожный отдел БРЭМа [36, л. 9–12]. Хотя в личном деле нет документов, подтверждающих предоставление запрашиваемой работы («музейное и библиотечное дело, библиография, конторский труд»), можно предположить, что оно было удовлетворено, что дало возможность М.С. Тюнину вплоть до 1943 г. (время выхода последней выявленной публикации [37]) продолжать свою библиотечно-библиографическую деятельность.

Помимо библиографической работы занимался подготовкой справочника о созданных в Харбине общественных объединениях. Об этом свидетельствует его обращение к председателю БРЭМа А.П. Бакшееву (май 1936 г.) с просьбой предоставить сведения о БРЭМе и действовавших при нем организациях. Свой запрос мотивировал так: «Начиная с самого своего приезда в г. Харбин в продолжении более десяти лет я собираю все уставы и сведения о различных обществах и объединениях г. Харбина, возникших по инициативе как русских, так и других европейских

народностей. В результате такого собирания у меня в настоящее время оказались сведения о более чем 350 объединениях Харбина за все время его 35-летнего существования. Обладая данными о таком большом числе объединений Харбина, своевременно было бы приступить к систематизации собранного материала и приготовлению его к печати...» [38, л. 13]. Пока не удалось установить ни судьбу данной работы, ни местонахождение собранных материалов.

Последним документом в личном деле Михаила Семеновича является запрос от 8 июня 1945 г. (автор не указан) в русский отдел Мантецу (японская компания Южно-Маньчжурской железной дороги) о предоставлении сведений на данное лицо с пометкой «неблагоприятных сведений нет» [39, л. 35]. Далее следы М.С. Тюнина теряются, хотя есть предположения, что после 1945 г. он был депортирован в СССР и репрессирован [40, с. 279]. Однако отсутствие документальных подтверждений позволяет высказать другую версию – в силу преклонного возраста (80 лет) он мог закончить свою жизнь в Харбине и стать одним из сотен россиян, чьи могилы затерялись на чужой земле.

В целом можно сделать вывод, что персональная история М.С. Тюнина отразила все особенности той эпохи перемен, в которой протекала его жизнь. Внутриполитические изменения в стране (1917–1918) превратили его из общественно значимого элемента дореволюционного регионального социума (предприниматель, чиновник, благотворитель) в добровольного беженца, привели к утрате прежнего социального и профессионального статуса. Достигнутая за счет ряда факторов (личные коммуникации, образование, практический опыт, принятие советского гражданства) стабильность существования в Харбине оказалась оборвана внешнеполитическими обстоятельствами предвоенной ситуации (ухудшение советско-китайских отношений, японская оккупация Маньчжурии, продажа КВЖД). Утрата родственных связей в условиях ограниченности контактов людей, живущих за рубежом, с жителями СССР превратила М.С. Тюнина из лица, временно пребывающего на территории другого государства (до 1935 г.), в человека без гражданства (эмигранта).

Тем не менее его жизнь не прошла бесследно для потомков. Его историческим «следом» остаются действующий Музей истории и культуры Среднего Прикамья – старейший музей Удмуртской Республики, а также Общество изучения Прикамского края, возродившее в 2009 г. свою деятельность в Сарапуле. Значим его вклад в сохранение русскоязычных харбинских печатных изданий. Политические коллизии, сопровождавшие жизнь М.С. Тюнина, сделали ее частично забытой, но постепенно она восстанавливается благодаря новым архивным источникам.

Ссылки и примечания:

1. История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. 2-е изд. М., 2010. 720 с.
2. См.: Запорожцева Н.С. Виноделы Тюнины // Наше время Удмуртия (Сарапул). 2015. № 41. 8 окт. ; Лигенко Н.П. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX века. Ижевск, 2001. С. 56, 81 ; Мельникова О.М. Провинциальное археологическое сообщество Вятской, Казанской, Пермской губерний (вторая половина XIX – начало XX в.) : библиограф. слов.-справ. Ижевск, 2007. С. 207 ; Удмуртская Республика : энциклопедия / гл. ред. В.В. Туганав. Ижевск, 2000. С. 691.
3. См.: Кузнецова Т.В. Деятели русского книжного дела в Китае в 1917–1949 гг. : биогр. слов. Хабаровск, 1998. С. 54–55 ; Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / под ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2015. С. 120–123, 404 ; Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии. Владивосток, 2002. С. 279.
4. УДА АГС (Упр. по делам архивов администрации города Сарапула). Ф. 76. Оп. 1. Д. 3. Л. 119–120.
5. Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации: торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи. СПб., 1895–1902.
6. Лигенко Н.П. Указ. соч. С. 81, 321, 335–336.
7. Адрес-календарь служащих Вятской губернии на 1871 год. Вятка, 1871.
8. Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии. Вятка, 1875.
9. Мария Семеновна Тюнина (1863–?) окончила Сарапульскую женскую гимназию, получила высшее педагогическое образование в Москве. До 1917 г. преподавала в Московском мещанском женском училище. См.: Вся Москва: адресная и справочная книга на 1917 год. М., 1917. С. 332. О ее судьбе на сегодняшний день сведений нет.
10. Николай Семенович Тюнин (1870–1938) окончил лесное отделение Петровской земледельческой и лесной академии, служил в Петроковском лесничестве Варшавского генерал-губернаторства, жил в усадьбе деревни Меще (под городом Петроковом). После революции вместе с семьей проживал в Москве. 28 марта 1938 г. был арестован, осужден за шпионаж в пользу Польши, расстрелян, похоронен на Бутовском полигоне НКВД. Реабилитирован в 1958 г. См.: Тюнин Николай Семенович [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/martirolog/?t=page&id=16539> (дата обращения: 22.03.2017).
11. В настоящее время – Сарапульский ликеро-водочный завод (ОАО «Сарапульский ЛВЗ»).
12. ГАРФ (Гос. арх. Рос. Федерации). Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 40. Л. 3–4.
13. Мельникова О.М. Указ. соч. С. 105–106.
14. Юрпалов А.Ю. Роль музея Сарапульского уездного земства в этнографическом изучении Среднего Прикамья // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. № 2. С. 116–120.
15. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 40, 172.
16. Nkr.cz (Narodni knihovna České republiky (Slovenska knihovna) = Национальная библиотека Чешской Республики (Славянская библиотека). T-RZIA-6-1689.

17. ГАХК (Гос. арх. Хабар. края). Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 5679.
18. Там же. Л. 24.
19. Коробейникова Л.Л. Тревожный сентябрь 1918 года [Электронный ресурс]. URL: http://museumsarapul.ru/about/publikatsii_sotrudnikov/?ELEMENT_ID=3626 (дата обращения: 20.03.2017).
20. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 172. Л. 15–16.
21. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 5679. Л. 5, 10.
22. Там же. Л. 7–8.
23. Там же. Л. 9.
24. Шиндина А.Б. Енисейское центральное книгохранилище (1920–1921 гг.) // Памятники истории и культуры Красноярского края. Вып. 2. Красноярск, 1992. С. 227–238.
25. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 5679. Л. 5.
26. Тюнин М.С. Указатель периодических и повременных изданий, выходивших в Харбине на русском и других европейских языках по 1 января 1927 г. Харбин, 1927.
27. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 5679. Л. 24.
28. Тюнин М.С. Указатель периодической печати г. Харбина, выходившей на русском и других европейских языках. Издания, вышедшие с 1 января 1927 г. по 31 декабря 1935 г. Харбин, 1936.
29. Nкр.сз. Т-RZIA-6-1689. Л. 1–32.
30. Там же. Л. 3.
31. Там же. Л. 8.
32. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 5679. Л. 5.
33. Иванов В.П. Российское зарубежье на Дальнем Востоке в 1920–40-е гг. М., 2003.
34. Кротова М.В. Русские эмигранты в межвоенной Маньчжурии: манипуляции с гражданством как стратегия выживания [Электронный ресурс] // Новый исторический вестник. 2012. № 32 (2). URL: http://www.nivestnik.ru/2012_2/11.shtml (дата обращения: 21.03.2017).
35. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 5679. Л. 22.
36. Там же. Л. 9–12.
37. Тюнин М.С. Казачьи издания в Маньчжурии : библиогр. очерк // Вестник казачьей выставки в Харбине в 1943 году : сб. ст. о казаках и казачестве. Харбин, 1943. С. 123–138.
38. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 5679. Л. 13.
39. Там же. Л. 35.
40. Хисамутдинов А.А. Указ. соч. С. 279.